ВОЛЫНСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

21 Іюля № 21 1883 года.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

ПРАВОСЛАВІЕ И УНІЯ ВЪ ЛИЦАХЪ. (*)

Покажи ми вѣру твою отъ дѣлъ твоихъ (Іак. II, 18).

10-го Октября 1831 года, на горѣ Почаевской совершилось событіе, сразу порѣшившее историческую судьбу Почаевской обители. То было возвращеніе, или сказать вѣрнѣе, возсоединеніе ея изъ уніи въ православіе. Чрезъ три года послѣ сего, 13 октября 1833 года, Государь Императоръ Николай Павловичъ Высочайше утвердилъ докладъ Св. Синода *«о присвоеніи Почаевской обители званія Почаевской Успенской Лавры»*, и такимъ образомъ къ юбилею въ воспоминаніе возсоединенія Почаевской обители въ православіе присоединяется еще

(*) *Отъ Редакціи.* Настоящая статья первоначально была напечатана въ «Трудахъ Кіевской Духовной Академіи» (1883 г. № 8, 9), подъ заглавіемъ; *Православіе и унія въ лицѣ двухъ своихъ защитниковъ, Преподобнаго Іова Почаевскаго и Іосафата Кунцевича.* Нынѣ, по исправленіи ея отъ автора Прот. *А. Ѳ. Хойнацкаго*, и съ его собственнаго согласія, она перепечатывается въ «Волынскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» въ виду того особеннаго, живѣйшаго интереса, какой статья сія несомнѣнно имѣетъ какъ по отношенію къ Волыни, такъ и по отношенію къ сосѣднимъ съ нею областямъ Литвы и Польши, Холмщины и Галиціи.

новый юбилей въ воспоминаніе включенія ея въ семью православныхъ Русскихъ Лавръ,—юбилей столь знаменательный во всѣхъ отношеніяхъ....

Теперь, когда взоры наши и мысли невольно обращаются къ прошедшему Лавры, служившей въ теченіи вѣковъ центромъ религіозной жизни на Волыни и въ сосѣдней Холмщинѣ и Галиціи, слѣдующіе вопросы напрашиваются сами собою: чѣмъ же заявила себя унія въ сравненіи съ православіемъ какъ въ Лаврѣ Почаевской, такъ и вообще въ исторіи и жизни западнаго края Россіи? Что сдѣлала она и что принесла для утвержденія церкви и славы Божіей?

Извѣстно, что до послѣдняго времени сравнивали унію и православіе съ самихъ разнообразныхъ сторонъ, и, какъ и слѣдовало, всегда не въ пользу уніи. Но сколько мы знаемъ, никто еще не пробовалъ поставить унію, если такъ можно выразиться, лицемъ къ лицу съ православіемъ въ образѣ и дѣятельности лучшихъ представителей обѣихъ церквей, православной и уніатской, каковыми, безъ сомнѣнія, могутъ и должны считаться *святые*, признаваемые въ той и другой церкви ихъ послѣдователями.

Совершившійся пятидесятилѣтній юбилей со времени присоединенія Почаевской Лавры изъ уніи въ православіе со всею Почаевскою завѣтною святынею, состоящею, какъ извѣстно, изъ цѣльбоносной стопы Богородичной, чудотворной иконы Божіей Матери Почаевской, и нетлѣнныхъ мощей преподобнаго Іова, игумена и чудотворца Почаевскаго, а также и включенія ея въ семью отечественныхъ лавръ, даетъ намъ основаніе и поводъ привести эту попытку, по мѣрѣ силъ своихъ, въ исполненіе, взявши для сравненія жизнь и блаженные подвиги Іова Почаевскаго съ жизнію и дѣятельностію *уніятскаго святого*, Іосафата Кунцевича.

Мы тѣмъ болѣе считаемъ себя въ правѣ поступить такимъ образомъ, что Преподобный Іовъ и Іосафатъ Кунцевичъ во первыхъ были *современники*. Первый изъ

нихъ, родившійся около 1551 года, скончался на сотомъ году жизни, въ 1651 г., а второй убитъ Полочанами сорока трехъ лѣтъ отъ роду въ 1623 г., слѣдовательно какъ родился, такъ и умеръ въ теченіи жизни преподобнаго, и оба они жили и дѣйствовали на Западѣ Россіи въ періодъ самаго лютаго господства уніи и латино-унитскаго преобладанія въ Литвѣ и на Волыни, такъ что, заговоривши объ одномъ, по самой исторической необходимости, нельзя умолчать въ тоже время о другомъ. Во вторыхъ, какъ Іовъ такъ и Іосафатъ были *земляки* какъ по мѣсту рожденія, такъ и по мѣсту служенія своего. Іосафатъ родился во Владимірѣ-Волынскомъ въ 1580 году и здѣсь проводилъ первые годы юности своей, когда преподобный Іовъ состоялъ уже игуменомъ ближайшаго къ г. Владиміру Честно-Крестскаго монастыря въ г. Дубнѣ, той же Волынской области, куда переведенъ былъ изъ угорницкаго галиційскаго монастыря, по просьбѣ князя Константина Острожскаго около 1582 г. Къ тому же и самое мѣсто рожденія преподобнаго Іова въ Покутской области въ галиціи не менѣе родственно Волыни, какъ и городъ Владиміръ-Волынскій, мѣсто рожденія Іосафата. Это та самая область, которая, по первому раздѣлу Польши въ 1773 г., отошла къ Австріи и въ настоящее время составляетъ такъ называемый Коломыйскій Повѣтъ между Днѣстромъ и Молдавой. Тамъ и доселѣ уцѣлѣли остатки древняго Угорницкаго Преображенскаго монастыря, что нынѣ селеніе Угерники, въ которомъ преподобный принялъ монашество на 12-мъ году жизни и гдѣ потомъ возведенъ былъ въ санъ Іеромонаха (около 1580 г.) и принялъ схиму (1581 года) съ именемъ Іоанна, которымъ нареченъ былъ во святомъ крещеніи. Кому же неизвѣстно, что Галиція и Волынь издревле составляли одно, какъ по народности, такъ и по вѣрѣ. Тѣмъ болѣе это было во времена Іова, когда Волынь и Галиція были подъ одною властію Рѣчи-посполитой, и въ особенности когда преподобный жилъ и дѣйствовалъ въ монастырѣ Почаевскомъ, откуда съ вы-

сотъ Почаевскихъ Галиціи и теперь открывается даже простому, не вооруженному глазу.

Но, что всего для насъ важнѣе, преподобный Іовъ и Іосафатъ Кунцевичъ, будучи современниками и земляками, въ тоже время считаются *святыми*, каждый въ своей церкви, вслѣдствіе чего даютъ намъ полнѣйшее основаніе для сравненія ихъ между собою, тѣмъ болѣе что и посмертная судьба ихъ и самое прославленіе во многомъ сходствуютъ между собою, хотя и не съ одинаковыми послѣдствіями. Когда уніяты овладѣли монастыремъ Почаевскимъ, то они также приняли въ свое вѣдѣніе и нетлѣнныя останки преподобнаго Іова. Но при всей ревности къ латинству и ненависти къ православію Базиліане Почаевскіе не дерзнули прекратить совершенно уваженіе къ памяти угодника Божія, и даже, какъ увидимъ далѣе, хотѣли было канонизовать его у Папы римскаго. Теперь православные на вѣки предали землѣ то, что уніяты считали мощами Іосафата, или вѣрнѣе сказать, что латиняне и іезуиты навязывали имъ подъ наименованіемъ этихъ мощей, и по мѣрѣ распространенія православія и православныхъ идей въ Холмщинѣ и Галиціи самая память Іосафата сглаживается и грозитъ въ недалекомъ будущемъ покрыться мракомъ полнѣйшаго забвенія.

Гдѣ же причина столь замѣчательнаго явленія? Что такъ могущественно возвышаетъ память одного и умаляетъ славу и величіе другаго? Послушаемъ, что отвѣчаетъ на это исторія.

I.

ВНѢШНЯЯ ЖИЗНЬ ПРЕПОДОБНАГО ІОВА СРАВНИТЕЛЬНО СЪ ЖИЗНІЮ И ДѢЯТЕЛЬНОСТІЮ ІОСАФАТА.

Тѣмже убо отъ плодъ ихъ познаете ихъ. (Матѳ. VII, 20).

Латиноуніаты обыкновенно начинаютъ съ того, что возносятъ своего Іосафата за его страшную ревность

по уніи. И мы знаемъ, что ревность эта была дѣйствительно преобладающею чертою въ жизни и дѣятельности бывшаго гонителя православной церкви. Но кто не скажетъ, что эта ревность была *ревностію не по разуму*? Сознавали это сами современники Іосафата,—и въ какой бы редакціи мы ни читали извѣстное замѣчательное письмо Литовскаго Канцлера Льва Сапѣги къ Іосафату, въ редакціи ли Бантышъ-Каменскаго, или въ другой, такъ называемой подлинной редакціи, обнародованной въ послѣднее время самыми же уніятами (1), мы должны согласиться съ ихъ же собственнымъ свидѣтельствомъ, что Іосафатъ «наполнялъ земскіе суды, магистраты, трибуналы, ратуши и епископскія канцеляріи позвами, тяжбами и доносами (на православныхъ)», что онъ «дѣлалъ насиліе совѣсти человѣческой... запиралъ православныя церкви, чтобы люди погибали безъ богослуженія, безъ христіанскихъ обрядовъ и таинствъ, какъ невѣрные».—«А вѣдь Христосъ Господь не запечатывалъ, не запиралъ церквей, какъ Вашмосць дѣлаете», пишетъ Левъ Сапѣга въ такъ называемомъ подлинномъ письмѣ своемъ къ Іосафату. «Жидамъ, татарамъ, продолжаетъ онъ далѣе, позволено въ областяхъ королевства имѣть свои синагоги и мечети, а Вы печатаете христіанскіе храмы», и т. д. Въ томъ же письмѣ Сапѣга указываетъ Іосафату и на то грозное настроеніе православнаго народа и козаковъ, которое, по сознанію самаго же Іосафата въ письмѣ его къ Сапѣгѣ, грозило опасностію его жизни за его фанатическіе подвиги противъ православія, и которое, какъ справедливо замѣчаетъ Сапѣга, «самую унію дѣлало вредною для государства и опасною для самаго существованія и цѣлости Польши»... (2). Но для Кунцевича государственные интересы не существовали предъ религіозными. Онъ не

(1) Historya unii kościoła Ruskiego z kościołem Rzymskim. Ks. Edw. Likowskiego. W Poznaniu, 1875. стр. 233—236 и 236—237.

(2) Вѣстникъ Ю.-Западн. Россіи, 1862 г. Августъ, стр. 65—80.

*

заботился даже о собственной безопасности ради излюбленной уніи и безразсудно шелъ на явную опасность. Въ Витебскѣ, жители котораго болѣе другихъ преданы были православію, не дозволяя служить несчастнымъ даже въ шалашахъ и напутствовать умирающихъ святыми тайнами, онъ до того раздражилъ народъ противъ себя, что уличная чернь при первомъ случаѣ бросилась на него, избила палками до смерти, и размозживъ у него голову топоромъ, самый трупъ его бросила въ рѣку (1).

И такого-то страшнаго, безжалостнаго фанатика непогрѣшимое папство возвело сначала въ число блаженныхъ, а потомъ (въ 1867 г.) причислило и къ лику Святыхъ, назначивъ его «Патрономъ Руси и Польши» (2). Впрочемъ Папамъ не въ первинку дѣйствовать подобнымъ образомъ. Возвели же они въ святые фанатическаго основателя Ордена іезуитовъ, испанца Игнатія Лойолу, или страшнаго изобрѣтателя жестокой инквизиціи Петра Авербуэса и др., потому что въ римской церкви для канонизаціи во святые требуются не богоугодные подвиги христіанской любви и благочестія, а хотя бы и кровавые, но блестящіе подвиги на пользу и распространеніе папскаго владычества и преобладанія, ad majorem Dei gloriam... За то и память подобнаго рода святыхъ, при первомъ удобномъ случаѣ падаетъ съ шумомъ, какъ во очію нашею погибла память Іосафата въ Литвѣ и на Волыни, и какъ теперь погибаетъ она со всею очевидностію въ Холмщинѣ и Галиціи.

Совсѣмъ не таковы истинные слуги Божіи, настоящіе поборники святой вѣры православной.—Преподобный Іовъ также любилъ отъ полноты сердечной свою родную церковь и всѣми силами своего духа и жизни старался ратовать объ ея славѣ, чистотѣ и распространеніи. Но онъ любилъ ее, какъ подобаетъ истиннымъ послѣдователямъ Христовымъ, любовію, соединенною съ

(1) Тамъ же Іосафатъ Кунцевичъ Полотскій уніатск. Архіеп. Говорскаго, стр. 75—92.

(2) Histor. Unii Kosciola Rusk. стр. 94.

непоколебимою твердостію и христіанскою терпимостію и благоснисхожденіемъ къ заблуждающимъ, и тою настоящею Евангельскою ревностію, которая готова душу положить для обращенія невѣрныхъ, но безъ насилія ихъ совѣсти, въ духѣ убѣжденія, а не угнетенія и принужденія. Такъ дѣйствовалъ самъ Господь и Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ и Его Св. Апостолы, такъ дѣйствовали всѣ святые отцы древней церкви; «вы не найдете у нихъ, какъ справедливо пишетъ Сапѣга къ Іосафату о св. Златоустѣ, ни жалобъ, ни протестовъ, ни процессовъ, ни судебныхъ объявленій, ни позвовъ... о гоненіяхъ, низверженіи и казни благочестивыхъ священниковъ, а найдете только то, что способствуетъ къ умноженію (дѣйствительной) славы Божіей, къ назиданію душъ человѣческихъ и умилостивленію разгнѣванныхъ гонителей»... (1) Такъ дѣйствовалъ и блаженный угодникъ Божій, преподобный Іовъ Почаевскій.

Первою заботою его по вступленіи въ должность Игумена Дубенскаго монастыря было поднятіе уровня нравственной жизни въ подвѣдомой ему братіи, «ихже свыше даннымъ себѣ благоразуміемъ, скромностію, ихже частымъ поученіемъ, а наипаче трудовъ своихъ благолѣпнѣйшими подвиги болѣе двадесяти лѣтъ управляше» (2). Это была первѣйшая, живая сила, которая въ тѣ времена возвышала православіе надъ другими вѣроисповѣданіями и давала ему значеніе и крѣпость неодолимую. Справедливо пишетъ одинъ изъ отечественныхъ нашихъ историковъ о самомъ же преподобномъ Іовѣ: «только на взглядъ поверхностный можетъ казаться, что сила русскаго духа и сущность русскаго характера олицетворяемы были всего больше людьми, которые строили города, обработывали поля и отражали непріятельскія вторженія. Душей всѣхъ этихъ дѣйствій и регуляторомъ страстей человѣческихъ была православная

---

(1) Вѣст. Ю.-Запад. Росс. стр. 70.
(2) Досиѳея житіе блаж. Іова, стр. 2.

церковь, а церковь сохранили отъ окончательнаго упадка только такіе люди, *какъ Почаевскій Іовъ.* Эти смиренные молчальники, эти неумолкающіе молитвенники, эти посредники между отдаленными предками и отдаленнѣйшими потомками были центрами народной жизни, къ которымъ стремились издали души, обуреваемыя житейскими страхами или соблазнами, и отъ которыхъ по всѣмъ направленіямъ расходились по русской землѣ слова одобренія и назиданія» (1)... Какая поразительная противоположность между Іовомъ и Іосафатомъ, изъ коихъ о послѣднемъ самъ Сапѣга пишетъ въ письмѣ къ нему: «я знаю, какихъ вы рукополагаете священниковъ, такихъ т. е., которые способны скорѣе раззорить, нежели создать церковь Христову. Отвсюду слышится ропотъ, что у васъ нѣтъ достойныхъ священниковъ, а больше слѣпыхъ. Невѣжественные ваши попы вводятъ въ пагубу и народъ»... Что же удивительнаго, что при такомъ положеніи унія погибала, такъ сказать, въ самомъ корнѣ своемъ, а православіе и доселѣ стоитъ твердо и непоколебимо». Дай Богъ, скажемъ словами того же Сапѣги, чтобы только у насъ побольше было всегда *достойныхъ* представителей» (2)!!!

Другою, не менѣе существенною заботою преподобнаго Іова на островѣ Дубенскомъ было, какъ пишетъ Досиѳей, распространеніе церковныхъ книгъ, которыя въ тѣ несчастныя времена составляли, можно сказать, единственную опору для православія противу латино-унитскихъ притязаній Папизма. Съ этою цѣлію преподобный собралъ вокругъ себя многочисленное братство, которое подъ его непосредственнымъ наставленіемъ и руководствомъ занималось изученіемъ и переводомъ писаній отеческихъ. Избранные писцы, по указанію св. угодника, переписывали лучшія книги и распространяли оныя между православными. «Также и писаніемъ книгъ церков-

(1) Газета Гатцука 1875 г. № 47, «О значеніи преп. Іова игумена Почаевскаго въ исторіи русской жизни», стр. 788.

(2) Вѣст. Ю.-Запад. Росс. стр. 75.

ныхъ упражняшеся» (1). Въ этомъ отношеніи латино-униты также могутъ указать намъ, что Іосафатъ съ своей стороны тоже «заботился для позвышенія просвѣщенія между подвѣдомымъ ему духовенствомъ о переводѣ на русскій языкъ богословскихъ книгъ»: и даже, какъ говорятъ, самъ издалъ «краткій катихизисъ, который по его порученію, прочитываемъ былъ въ церквахъ еженедѣльно» (2). Но замѣчательно, что даже такой поклонникъ Іосафата, какъ авторъ «исторіи Уніи русской церкви съ церковію Римскою», упомянувши объ Іосафатовскомъ переводѣ «богословскихъ книгъ», не указываетъ при этомъ ни одной, которая была бы переведена въ дѣйствительности, хотя бы изъ серіи тѣхъ переполненныхъ историческою ложью и фанатическими нападками на православіе латино-унитскихъ книгъ, которыми изобиловала антиправославная литература западной церкви. А о пресловутомъ катихизисѣ Іосафата тотъ же авторъ замѣчаетъ въ примѣчаніи, подъ чертою, что только «нѣкоторыя части этого катихизиса сохранились до нашихъ временъ», и что еще куріознѣе, «помѣщены только нѣкіимъ Италіанскимъ біографомъ Іосафата, ксендзомъ Контьери въ приложеніи къ его Италіанской Vita di s. Giosafat, Roma 1867» (3). Напротивъ того со временъ самаго Іова сохранилась подлинная, написанная въ его время въ Дубенскомъ монастырѣ извѣстная книга «Діоптра мирозрительная», переведенная по замѣчанію ученыхъ изслѣдователей нѣкіимъ Виталіемъ, іеродіакономъ Дубенскаго монастыря при преподобномъ Іовѣ именно въ то самое время, когда св. угодникъ «упражнялся писаніемъ книгъ церковныхъ». Есть основаніе думать, что Виталій этотъ былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ

(1) Досиф. жит. блаж. Іова, стр. 3.

(2) Histor. Unii Kosc. Russkiego, стр. 85. Тотъ же авторъ считаетъ Іосафата сочинителемъ книги „obrona jednosci Cerkiewney“, изданной Кревзой. Но это рѣшительно не имѣетъ никакого основанія.

(3) Тамъ же.

преподобнаго Іова; иначе за что-же онъ удостоился, по удаленіи блаженнаго, сдѣлаться его преемникомъ, «многогрѣшнымъ Виталіемъ игуменомъ честнаго креста въ Дубнѣ», какъ читаемъ въ заглавіи его рукописной Діоптры 1604 г. находящейся нынѣ въ библіотекѣ Волынской духовной Семинаріи?—Какъ бы то впрочемъ ни было, но современники высоко цѣнили трудъ Виталія, такъ что переводъ его Діоптры издавался нѣсколько разъ, и въ первый разъ напечатанъ даже при жизни самаго преподобнаго Іова въ Евьѣ, въ 1612 году. (1). Кромѣ сего, въ самой Лаврѣ Почаевской есть собственноручно писанная преподобнымъ Іовомъ книга, содержащая въ себѣ собраніе разнаго рода святоотеческихъ поученій и другихъ статей историческаго и догматическаго характера, по которой, какъ гласитъ преданіе, самъ преподобный произносилъ поученія братіи и народу въ церкви. Въ настоящее время книга эта готовится Лаврою къ изданію подъ редакціею ученаго профессора Кіевской Академіи, Н. И. Петрова, и несомнѣнно внесетъ вкладъ въ нашу отечественную литературу, какъ памятникъ ученыхъ и литературныхъ трудовъ угодника Божія.

Но еще выше и досточтимѣе становится для православныхъ святая личность преподобнаго, когда вспомнимъ, что одна изъ величайшихъ заслугъ приснопамятнаго князя Острожскаго Константита Константиновича,—изданіе *Первой Славянской Библіи* относится именно ко времени пребыванія блаженнаго угодника Божія въ Дубенскомъ монастырѣ. Сами поляки разсказываютъ, что великолѣпный вельможный изъ князей, князь Константинъ-Василій былъ такъ набоженъ, что съ наступленіемъ каждаго великаго поста переселялся на Дубенскій ост-

---

(1) Обозрѣніе славяно-русской библіографіи т. 1 кн. 2, стр. 50. Полное печатное заглавіе этой книги слѣдующее: «Діоптра альбо зерцало и выраженіе живота людскаго на томъ свѣтѣ, коштомъ и працею иноковъ церкви св. Духа, братство Виленское общаго житія въ Евью, въ маетности В. П. Огинскаго»...

ровъ (къ преподобному Іову) и здѣсь, сбросивъ съ себя мірскую одежду и одѣтый по монашески, затворялся на всю первую седмицу, пребывая въ постѣ и благочестивыхъ размышленіяхъ (1). Само собою разумѣется, что при такомъ положеніи дѣла св. угодникъ Дубенскій, «всяческими образами» вымоленный набожнымъ княземъ для поселенія на Дубенскомъ Островѣ, былъ всегда непосредственнымъ совѣтникомъ и повѣреннымъ всѣхъ его княжескихъ думъ, намѣреній и дѣйствій. Какое же дѣло могло быть ближе для вѣрующаго сердца преподобнаго Іова, особенно среди библіографическихъ его трудовъ по части распространенія полезныхъ книгъ, какъ на изданіе Св. Библіи, этой книги книгъ на родномъ отечественномъ языкѣ для утвержденія св. вѣры и благочестія? Потому мы думаемъ, не обинуяся, что преподобному Іову принадлежитъ не только соизволеніе и благословеніе на изданіе извѣстной Острожской славянской Библіи 1580—81 года, но и самая иниціатива этого дѣла, его процедура и окончаніе. Мы тѣмъ болѣе считаемъ себя вправѣ думать такимъ образомъ, что въ тѣ времена лучшіе изъ князей и бояръ какъ на Востокѣ такъ и на Западѣ Руси никогда не осмѣливались дѣлать что либо безъ совѣщанія и участія отцовъ своихъ духовныхъ. А такимъ-то именно *отцемъ* и былъ преподобный Іовъ для князя Константина Острожскаго во все время служенія своего въ званіи игумена Дубенскаго до самой смерти боголюбиваго князя.

Невольно представляется при этомъ, какъ былъ *радъ* существованію Острожской Библіи, Іосафатъ, хотя онъ и родился только за годъ до ея изданія, но за то, безъ сомнѣнія, зналъ объ ея происхожденіи въ послѣдующіе годы своей жизни, если,— что несомнѣнно, онъ до мозга костей былъ проникнутъ всѣми идеями латинской церкви, которая однимъ изъ основныхъ законоположеній по-

(1) Сравн. Крашевскаго Wspomnienia Wołynia, Polesiu и Litwy. Wilno, 1840 г. t. II, стр. 150.

ставляетъ *запрещеніе Библіи* для народа, чтобы удобнѣе держать своихъ послѣдователей во тьмѣ невѣжества и заблужденія.

Переходъ Іова въ Почаевъ и постановленіе его игуменомъ св. горы Почаевской дали ему новыя средства для дѣйствованія на пользу православія. Доселѣ онъ пользовался по преимуществу вниманіемъ одного князя Константина Острожскаго и при посредствѣ его старался по мѣрѣ силъ своихъ служить интересамъ церкви. Въ Почаевѣ, вслѣдствіе особеннаго значенія тамошней обители, кругъ духовныхъ его почитателей увеличился. Одни спѣшили дѣлать вклады на нужды обители отъ щедротъ своихъ, какъ это сдѣлали напр. «урожденная пани Куликовская, Анна Александровна Добрынская» въ 1640 г., Иванъ Жабокритскій въ 1648 году, Юрій Пузина въ 1649 г. и др. (1). Не говоримъ уже о Гойской, которая, основавъ на горѣ Почаевской въ 1597 году *общежительный* православный монастырь, вмѣсто бывшаго здѣсь доселѣ монастыря, *пустынного*, въ 1617 году, при жизни преподобнаго же Іова, подтвердила за этимъ монастыремъ всѣ свои пожертвованія и свое завѣщаніе, написанное по этому поводу, облятовала и записала въ гражданскихъ книгахъ Кременецкихъ въ 1620 году (2). Вмѣстѣ съ этимъ, зная по опыту, какое особенное значеніе имѣютъ для возвышенія церкви въ глазахъ народа благолѣпные храмы, преподобный Іовъ убѣдилъ богатыхъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ—супруговъ Ѳеодора и Евву Домашевскихъ построить въ 1649 г. на собственныя средства въ Почаевской обители новый каменный, прекрасный храмъ во имя Пресвятой Троицы, который они украсили «всѣми потребами, приличествующими таковой церкви», пожертвовавъ для этого не только многія денежныя суммы, но и

(1) Преп. Іовъ игуменъ почаевскій, его жизнь и прослав. стр. 25—26.

(2) Тамъ же. Сравн. Przesławna Góra poczajowska. Poczajow. 1807 г. ст. 8 на обор.

значительныя наслѣдственныя сокровища, изъ золотыхъ и серебрянныхъ вещей и другихъ драгоцѣнностей (1). Безъ сомнѣнія, по мысли самаго же преподобнаго, этотъ новый храмъ расположенъ былъ такъ, что въ него, подъ его своды вошла цѣльбононосная Стопа Божіей Матери, которая доселѣ оставалась въ теченіи вѣковъ подъ открытымъ небомъ. Тутъ же, по древнему православному обычаю, поставлена была надъ царскими вратами и чудотворная *икона Божіей Матери*, такъ что новый храмъ сдѣлался, такъ сказать, центромъ всей святыни Почаевской, тѣмъ болѣе драгоцѣнной для православнаго русскаго чувства, что, во все время пребыванія преподобнаго Іова на горѣ Почаевской, оно только и могло отдыхать и находить себѣ утѣшеніе въ благодатной помощи, ниспосылаемой свыше отъ чудной Стопы и святой иконы Божіей Матери, среди бурь и невзгодъ, поднимаемыхъ на православіе Папизмомъ и его клевретами въ родѣ Іосафата. Замѣчательно, что самое прославленіе чудотворной иконы Божіей Матери въ Почаевской обители, начинающейся, какъ извѣстно съ 1597 года, совпадаетъ какъ разъ съ началомъ церковной Брестской уніи 1596 г., и послѣдовавшихъ за симъ гоненій на праволавную церковь со стороны самаго Іосафата, такъ что надобно быть слишкомъ невнимательнымъ къ судьбамъ Божіимъ, чтобы въ этомъ совпаденіи временъ не видѣть дѣйствія десницы Божіей, которая вмѣстѣ съ горькими искушеніями со стороны уніи, въ тоже время уготовляла для православныхъ и благодатное утѣшеніе въ чудотворной иконѣ Пресвятой Дѣвы, такимъ образомъ избравшей гору Почаевскую въ мѣсто селенія своего на защиту народа православнаго, его одобреніе и избавленіе (2).

Самъ вызванный изъ Угорницкаго монастыря на Дубенскій Островъ ради чести православія, поддержи-

---

(1) Преп. Іовъ игуменъ почаевскій, стр. 28 «Гора Почаевская». Почаевъ 1793 г. стр. 5.

(2) Историч. сказаніе о свят. чудотворн. иконѣ почаевской Б. М. стр. 18.

ваемаго, какъ мы уже сказали, по преимуществу благочестивою жизнію иноковъ, преподобный Іовъ готовъ былъ воспользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ для распространенія православныхъ обителей на Западѣ Россіи. И исторія свидѣтельствуетъ, что благодаря его вліянію, какъ духовнаго отца, извѣстная пани Ирина Ярмолинская въ 1646 году особымъ завѣщаніемъ основала богатый монастырь во имя святителя Іоанна Милостиваго, въ имѣніи своемъ Загайцахъ на Волыни, при чемъ преподобный самъ собственноручно подписался на завѣщаніи Ярмолинской, *яко духовникъ ея*, и тѣмъ на вѣки скрѣпилъ свое непосредственное участіе въ устроеніи этого монастыря во славу св. церкви православной. Есть преданіе, что даже первые иноки для устроенія Загаецкаго монастыря были присланы, по просьбѣ Ярмолинской, преподобнымъ Іовомъ изъ обители Почаевской (1).

Нельзя, конечно, отвергнуть, и того, что Іосафатъ съ своей стороны тоже увлекалъ нѣкоторыхъ изъ вельможныхъ даже пановъ русскихъ въ свою унію, какъ напр. Θеодора Скумина Тышкевича, сына его Януша, Яна Мелешко, Солтана и др., вслѣдствіе чего православные справедливо прозывали его «душехватомъ» (2). Но при этомъ Іосафатъ лишалъ своихъ кліентовъ самаго дорогаго, что есть для человѣка, ихъ родной, православной вѣры, и мы слишкомъ сомнѣваемся, чтобы такимъ образомъ онъ вносилъ святой миръ въ души отступниковъ. Иначе какой же смыслъ имѣютъ слѣдующія мѣста изъ письма Сапѣги къ Іосафату? «Укажите, Ваше преосвященство, кого Вы пріобрѣли, кого уловили суровостью Вашею, печатаніемъ и запираніемъ церквей..? Изъ овецъ Вы превратили ихъ (своихъ послѣдователей) въ козлищъ, повергли въ опасность государство, а можетъ быть въ погибель и всѣхъ насъ католиковъ.

(1) Волынскія Епарх. Вѣд. 1877 г. стр. 845—875.

(2) Hystor. Unii Kosciola Rurk. стр. 84.

Вмѣсто радости пресловутая Ваша унія надѣлала намъ только хлопотъ, «безпокойствъ, раздоровъ, и такъ намъ опротивѣла, что мы желали бы лучше остаться безъ нея: такъ много, по ея милости, мы терпимъ безпокойствъ, огорченій и заботъ. Вотъ плодъ Вашей пресловутой уніи. Сказать правду, она пріобрѣла извѣстность только смутами и раздорами, которыя произвела она въ народѣ и цѣломъ краѣ»... и т. д. (1).

Одновременно съ заботами о внѣшнемъ благоустроеніи горы Почаевской, имѣвшемъ непосредственное вліяніе на умноженіе числа братій въ стѣнахъ обители, преподобный Іовъ не забывалъ въ Почаевѣ и излюбленнаго своего дѣла о распространеніи необходимыхъ книгъ на пользу православія. Теперь ему тѣмъ удобнѣе было дѣйствовать на этомъ поприщѣ, что по переходѣ въ Почаевскій монастырь онъ нашелъ здѣсь уже готовую типографію, заведенную, какъ говорятъ, самою Гойскою совмѣстно съ основаніемъ общежительнаго монастыря въ Почаевѣ. Вскорѣ преподобному открылся случай для достиженія завѣтной цѣли. Извѣстный дидаскалъ (учитель) и проповѣдникъ въ Ставропигіи львовскаго братства успенія Пресвятыя Богородицы, Кириллъ Транквилліонъ-Ставровецкій, впослѣдствіи архимандритъ черниговскій, написалъ книгу подъ заглавіемъ: «Зерцало Богословія», которая по благословенію преподобнаго Іова и была «выдрукована въ монастыру Почаевскомъ, въ маетности его милости пана Андрея Фирлея, року 1618-го, мѣсяца марта 12 дня» (2). Интересно, что сами уніяты съ уваженіемъ относились къ этой книгѣ, не смотря на то, что она по преимуществу написана въ православномъ духѣ, вслѣдствіе чего въ 1790 году она «паки второе *на желаніе многихъ* издася

---

(1) Вѣстн. Ю.-Зап. Россіи, Авг. 1862, стр. 67. О дѣлахъ Кунцевича есть также печатная жалобная грамота 1623 г. поданная бѣлорусскими и литовскими православными въ Сенатъ.

(2) Экземпляръ этой книги можно видѣть въ библіотекѣ Лавры Почаевской.

въ обители Почаевской чина св. Василія Великаго», т. е. у Базиліанъ Почаевскихъ, «да кійждо множайшую отъ чтенія пріобрящетъ пользу и изобильнѣйшую воспріиметъ корысть» (1). Есть также извѣстіе, что со времени преп. Іова въ Почаевской его типографіи печатались проскомидійные листы для разсылки въ православныя церкви, письма или посланія православныхъ архипастырей, разныя молитвы и т. п. И безъ сомнѣнія, по малочисленности православныхъ типографій въ предѣлахъ югозападнаго края Россіи того времени, когда по свидѣтельству исторіи, всѣ «древнѣйшія типографіи Волыни: острожская, кременецкая, рахмановская и др. мало по малу прекращали свое бытіе еще въ первой половинѣ XVII вѣка, и на Волыни была только одна славяно-русская типографія почаевская», обитель почаевская всюду распространяла свои типографскія произведенія между православными, и тѣмъ не мало содѣйствовала къ поддержанію истинной вѣры между ними среди тогдашнихъ бѣдствій, причиняемыхъ латинствомъ.

Въ 1628 году, по приглашенію православнаго Кіевскаго митрополита Іова Борецкаго, составленъ былъ въ Кіевѣ помѣстный соборъ, на который созваны были къ 15 Августа всѣ южно-русскіе православные архипастыри, архимандриты и игумены. Кромѣ другихъ дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію собора, какъ напр. объявленіе королевскаго сейма о собраніи пожертвованій на предстоящую войну съ Россіею за русское престолонаслѣдство, соборъ 1628 года главнымъ образомъ имѣлъ нужду разсмотрѣть дѣйствія извѣстнаго полоцкаго православнаго архіепископа Мелетія Смотрицкаго, который, начавши свою архипастырскую дѣятельность ревностнѣйшими подвигами на пользу православія, выразившимися въ особенности въ прекрасныхъ его сочиненіяхъ на защиту православной церкви, къ настоящему времени началъ видимо склоняться на сторону

(1) Чит. предисловіе къ ея изданію 1790 г.

уніи и латинства и даже явно сталъ писать сочиненія противныя православію. Такова была напр. его «апологія путешествія по восточнымъ церквамъ», въ которой Смотрицкій не только выражалъ желаніе, чтобы восточная церковь соединилась съ западною, но и излагалъ разныя клеветы на церковь восточную и на русскихъ защитниковъ православія, и даже проклялъ свои прежнія сочиненія, написанныя въ защиту православія.

Послушный веленію архипастыря, а еще более ревнуя о славѣ родной, православной церкви, преподобный Іовъ въ числѣ другихъ съ радостію поспѣшилъ въ Кіевъ на соборъ, и здѣсь въ заключеніе соборныхъ засѣданій имѣлъ утѣшеніе быть свидѣтелемъ отреченія Мелетіева отъ уніи, хотя къ сожалѣнію и кратковременнаго, какъ онъ Смотрицкій самъ въ соборномъ храмѣ Кіево-Печерской лавры Успенія пресвятыя Богородицы 15 августа топталъ собственными ногами свою лживую апологію, какъ торжественно отрекался онъ отъ своихъ заблужденій и вмѣстѣ съ другими архипастырями произносилъ осужденіе на заблужденіе уніи и латинства (1). На другой день, 16 августа, отъ лица собора издано было каноническое объявленіе, въ которомъ всѣ бывшіе на соборѣ заявили въ слухъ всего міра, что они твердо стоятъ въ православной восточной церкви, не мыслятъ объ отступленіи въ унію и подъ клятвою обѣщаются не отступать, и къ тому же увѣщаютъ весь православный народъ (1). Объявленіе это должно было подписать всѣмъ присутствовавшимъ на соборѣ. И въ томъ числѣ, послѣ подписи митрополита и другихъ, приложилъ свою руку и преподобный Іовъ, подписавшись, по обычаю, своимъ схимническимъ именемъ: «Іоаннъ Желѣзо, игуменъ Почаевскій» (2).

(1) Описаніе Кіево-Софійскаго собора митрополита Евгенія, стр. 163.

(2) Максимовича «письма о князьяхъ Острожскихъ къ графинѣ А. Д. Блудовой», стр. 33, 34.

Понятно само собою, что такіе подвиги не могли пройти безслѣдно для православія. И мы знаемъ, что они несомнѣнно спасли церковь русскую, и такимъ образомъ на вѣки сохранили ту незыблемую почву, коей и теперь зиждется православіе даже тамъ, гдѣ, какъ напримѣръ въ Холмщинѣ, враги православной церкви имѣли полнѣйшее основаніе расчитывать, что она, повидимому, совсѣмъ погибаетъ. Не кому другому также, какъ преподобному Іову и этому высокому *нравственному закону жизни*, основаніе коего положено было блаженнымъ угодникомъ въ его обители, обитель Почаевская обязана тѣмъ, что изъ всѣхъ монастырей западной Руси она была *послѣднимъ* монастыремъ, обращеннымъ въ унію (послѣ 1721 года). До того времени Почаевскіе иноки, вѣрные завѣту богоноснаго отца своего и учителя почти около вѣка со времени появленія уніи оставались непоколебимыми въ православіи, не смотря на самыя отчаянныя усилія, и опаснѣйшія козни, употребляемыя врагами, чтобы совратить Почаевскій монастырь въ унію (1). Къ этому мы имѣемъ несомнѣнное извѣстіе, что изъ всѣхъ западно-русскихъ уніятскихъ монастырей XVIII и XIX-го вѣка въ одной лаврѣ Почаевской богослужебный чинъ соблюдался настолько близко къ уставамъ древне-православной церкви, что остальные Базиліане называли Почаевское богослуженіе *схизматическимъ* (2). Между прочимъ фактическимъ доказательствомъ этому и доселѣ можетъ служить то, что, за исключеніемъ служебниковъ и требниковъ, прочія богослужебныя книги, печатаемыя въ бывшей Почаевской базиліанской типографіи, содержатъ въ себѣ весьма незначительныя отступленія отъ таковыхъ же православныхъ книгъ, каковы напр. часосло-

---

(1) Сказаніе о Почаевской лаврѣ арх. Амвросія, стр. 46.

(2) «Изъ воспоминаній и замѣтокъ бывшаго послушника Почаевской лавры при Базиліанахъ». Волынскія Епарх. Вѣдомости 1879 г. № 17.

вы, октоихи, минеи, и т. п. (1). Такъ сами враги православія не могли до конца истребить то, что посѣяно было молитвой и трудами преподобнаго.

Интересно, что служеніе преп. Іова на горѣ Почаевской для утвержденія и защиты православія (1604—1651 г.) совпадаетъ какъ разъ съ тѣмъ временемъ, когда въ Восточной Руси Святотроицкая лавра преподобнаго Сергія, одушевляемая всегда присущимъ ей духомъ своего великаго основателя, отстаивала православіе и землю русскую отъ тѣхъ же самыхъ враговъ и клевретовъ уніи, съ которыми боролся преподобный Іовъ въ званіи игумена Почаевскаго. И если не возможно сомнѣваться, что преп. Іовъ имѣлъ самыя обстоятельныя свѣдѣнія о всемъ, что совершалось тогда въ Московскомъ государствѣ въ смутныя времена самозванщины и междуцарствія (1608—1612 г.), то нужно согласиться, что какъ истинный сынъ православной церкви, онъ всѣми силами души своей сочувствовалъ и всему тому, что совершаемо было тогда лаврою и отъ лавры преп. Сергія, и если не дѣломъ, то крѣпкою молитвою и сердечными благожеланіями споспѣшествовалъ тому, на чемъ теперь непоколебимо зиждется сила и величіе народа русскаго, а съ симъ вмѣстѣ, конечно, и всѣхъ русскихъ областей, составляющихъ единое нераздѣльное цѣлое подъ скипетромъ государя Всероссійскаго.

И нынѣ, почивая нетлѣнными своими мощами на скалистыхъ твердыняхъ горы Почаевской, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ границы Галицкой, угодникъ Божій, такъ сказать, стоитъ на стражѣ между русскою православною церковію и отторгнутыми отъ древняго благочестія чадами его родины,—и нѣтъ сомнѣнія, въ пренебесныхъ молитвахъ своихъ онъ и доселѣ молитъ Господа о возвращеніи ихъ на лоно православія, дабы

(1) Сравн. нашу книгу: «Западно-русская церковная унія въ ея богослуженіи и обрядахъ». Кіевъ 1881 г. гл. II и III-я.

съ возрожденіемъ по вѣрѣ они могли снова сдѣлаться настоящими сынами святой Руси православной, по отношенію къ которой Почаевская лавра для Галицкихъ и Холмскихъ уніатовъ, и по географическому и по историческому положенію своему, искони служитъ преддверіемъ и путеводною звѣздою.

(Окончаніе впредь).

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ ЗНАМЕНСКІЙ.

(Некрологъ).

4 числа м. Іюля въ Волынской духовной Семинаріи не стало преподавателя Свящ. Писанія *Петра Ивановича Знаменскаго*: вечеромъ этого числа, во время купанья на р. Иквѣ, около такъ называемаго «Королевскаго моста», онъ утонулъ, вслѣдствіе поразившаго его при этомъ апоплексическаго удара. Смерть эта, такъ неожиданно постигшая Петра Ивановича, страшно поразила весь Кременецъ и всѣхъ глубоко опечалила; такъ какъ покойный, служившій здѣсь, можно сказать безвыѣздно, около двѣнадцати лѣтъ, хорошо извѣстенъ былъ, не въ духовной только средѣ, а и всему мѣстному обществу, по своему доброму характеру, по своей скромности и душевной простотѣ. Погребеніе совершено было 7 числа въ Семинарской церкви и въ немъ принимали участіе не только священнослужащіе Семинаріи и мѣстные Кременецкіе Священники, но и Священники стоящихъ въ городѣ Кременцѣ полковъ и нѣкоторые сельскіе, нарочито пріѣхавшіе изъ уѣзда. Не смотря на вакаціонное время и отсутствіе воспитанниковъ, стеченіе народа, особенно при слѣдованіи гроба на кладбище, было весьма значительное и видны были въ немъ общая скорбь о почившемъ и живое участіе къ несчастной долѣ осиротѣлой семьи—не только со стороны сослуживцевъ покойнаго, но и со стороны другихъ, знавшихъ покойнаго и глубоко уважавшихъ его.

Произнесенныя же при погребеніи рѣчи и стихи воспитанниковъ служатъ правдивымъ и искреннимъ свидѣтельствомъ тѣхъ добрыхъ дружественныхъ отношеній, какіе установились между покойнымъ Петромъ Ивановичемъ и воспитанниками съ самаго, можно сказать, перваго дня его службы въ здѣшней Семинаріи.

П. И. Знаменскій сынъ бѣднаго причетника (въ настоящее время сверхштатнаго діакона) Псковской губерніи, родился въ 1844 году и первоначальное образованіе получилъ въ Псковской духовной Семинаріи. По окончаніи въ 1867 году Семинарскаго курса, онъ, какъ одинъ изъ лучшихъ студентовъ, отправленъ былъ для продолженія образованія въ С.-Петербургскую дух. Академію, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1871 году. Непосредственно по окончаніи академическаго курса онъ назначенъ былъ на службу въ Волынскую Семинарію Преподавателемъ Греческаго языка, въ Ноябрѣ же 1873 года занялъ учительскую каѳедру по Свящ. Писанію въ I, III и V классахъ Семинаріи, на которой и оставался до своей смерти. Въ теченіе своей службы П. И. состоялъ членомъ Педагогическаго Собранія Семинарскаго Правленія съ Октября 1872 по Октябрь 1878 года,—исправлялъ должность Инспектора Семинаріи съ Мая 1874 года по Апрѣль 1875 года,—по порученію Начальства производилъ въ 1873 году ревизію Житомірскаго и Дерманскаго духовныхъ Училищъ по всѣмъ частямъ ихъ управленія. За отличное исполненіе возлагавшихся на него обязанностей въ 1876 году Всемилостивѣйше пожалованъ былъ орденомъ Св. Станислава третьей степени,—по учительской же должности всегда заслуживалъ лестные отзывы бывшихъ въ здѣшней Семинаріи ревизоровъ. Не сложна и не разнообразна была жизнь и служба покойнаго, но это была—честная жизнь и честная служба, не смотря на ея скромные размѣры,—полная не легкихъ трудовъ и огорченій, требовавшая сердечной преданности и любви къ дѣлу. Началась эта жизнь въ бѣдной до нищеты средѣ, среди

нуждъ и лишеній прошли годы его дѣтства и юности, мало довольства видѣлъ онъ и состоя уже на Семинарской службѣ. На школьной еще скамьѣ, въ годы академическаго студенчества, началась его постоянная, до смерти продолжавшаяся, помощь бѣдняку родителю и другимъ родственникамъ, для коихъ онъ былъ единственною подпорою и утѣшеніемъ. Съ теченіемъ же времени расходы по содержанію своей семьи, при единственномъ источникѣ для покрытія ихъ — незначительномъ учительскомъ жалованьи, часто бывали не подъ силу покойному, такъ что не рѣдко онъ лишался самыхъ необходимыхъ удобствъ и покоя. Но эти трудныя обстоятельства не очерствили его души, не сдѣлали его, какъ часто бываетъ, при подобныхъ условіяхъ жизни, пристрастнымъ къ своему только личному благу и глухимъ къ чужому горю и несчастію, не развили въ немъ довольно обычнаго въ настоящее время недовольства людьми и жизнью.

Съ благодушнымъ терпѣніемъ перенося свои собственныя лишенія и жизненныя невзгоды, покойный всегда съ сердечнымъ участіемъ относился къ другимъ, къ своимъ и чужимъ, и не было ни одного общаго добраго дѣла, въ которомъ бы онъ не принималъ, по мѣрѣ силъ, самаго живаго и дѣятельнаго участія и притомъ всегда съ обычною своею скромностію, не придавая своему содѣйствію особеннаго значенія. Честно жилъ и служилъ покойный, но никогда не говорилъ онъ о своихъ достоинствахъ и заслугахъ, или о чужихъ недостаткахъ, всегда болѣе расположенный къ строгому суду надъ самимъ собою, а не надъ другими. Добрый и простой, всегда искренній и скромный, былъ покойный Петръ Ивановичъ и это высоко цѣнили въ немъ всѣ знавшіе его, а особенно семинарскіе воспитанники, для которыхъ память о немъ надолго будетъ имѣть благодѣтельное, нравственно-воспитательное значеніе.

Такіе люди не часто встрѣчаются въ жизни. Семья покойнаго, состоящая изъ жены и трехъ малолѣтнихъ

дѣтей, осталась безъ всякихъ собственныхъ средствъ къ жизни, даже и на самое первое время своего несчастія. Тяжелая, горькая жизнь предстоитъ ей; но, вѣруя въ добро и правду людей, какъ вѣровалъ въ нихъ покойный, будетъ надѣяться, что между знавшими его, особенно его многочисленными бывшими воспитанниками, найдутся добрые люди, которые не словомъ только, но и добрымъ дѣломъ помянутъ безвременно погибшаго Петра Ивановича, не забудутъ его сиротъ.

Ѳ. Л.

Лѣтопись текущихъ событій.

О празднованіи въ Тихвинѣ пятисотлѣтія явленія иконы Божіей Матери.—Вотъ нѣкоторыя историческія данныя объ этой святынѣ.

Икона Тихвинской Божіей Матери, по преданію, переходящему изъ рода въ родъ, писана евангелистомъ Лукою; она явилась на рѣкѣ Тихвинкѣ (тогда еще города не существовало) 26-го іюня 1383 года. Въ началѣ ее видѣли носимую по воздуху надъ Ладожскимъ озеромъ, затѣмъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ—на рѣкахъ Камѣ и Ояти и, наконецъ, окончательно утвердившеюся обрѣли на рѣкѣ Тихвинкѣ, гдѣ немедленно и было приступлено къ постройкѣ деревянной приходской церкви во имя Успенія Божіей Матери. Болѣе двухъ вѣковъ чудотворная икона находилась въ этомъ храмѣ, много разъ горѣвшемъ и возобновляемомъ, пока, наконецъ, Царь, и великій князь Иванъ Васильевичъ Грозный, явившись на р. Тихвинку для поклоненія чудотворной иконѣ, не приказалъ устроить здѣсь въ 1560 году мужской монастырь, получившій названіе Богородицкаго. Съ тѣхъ поръ монастырь все болѣе и болѣе развивался, вслѣдствіе наплыва лицъ, желавшихъ потрудиться въ честь св. иконы. Въ смутное время, въ XVII столѣтіи монастырь оказалъ геройскій отпоръ Делагарди, занявшему въ то время почти всю Новгородскую область. Послѣ неоднократныхъ попытокъ взять монастырь приступомъ, шведы были вынуждены снять осаду. Въ

воспоминание этого знаменательнаго событія въ исторіи какъ Россіи, такъ и Тихвинскаго монастыря былъ установленъ праздникъ подъ названіемъ «Всемирная радость», который до настоящаго времени справляется Тихвинскимъ монастыремъ ежегодно, 15-го сентября.

Въ настоящее время Тихвинскій монастырь обнесенъ огромною каменною стѣною со множествомъ башенъ и бойницъ. Средства Тихвинскаго монастыря настолько значительны, что онъ можетъ стоять на ряду съ богатѣйшими обителями земли русской. Изъ драгоцѣнностей, прежде всего, слѣдуетъ указать на украшеніе святой иконы; послѣдняя, имѣя ризу изъ чистаго золота, осыпана брилліантами, жемчугомъ и дорогими каменьями, изъ которыхъ многіе составляютъ дары Высочайшихъ особъ. Предъ иконою виситъ золотая лампада, составляющая даръ графа Шереметева, принесенный имъ въ 1809 году. Множество золотыхъ и серебряныхъ украшеній на другихъ ризахъ, какъ, напримѣръ, на чудотворныхъ иконахъ Божіей Матери Старорусской и на Крилечкѣ, различнаго рода денежные вклады, земли и угодья дополняютъ богатства Тихвинслаго монастыря, который, какъ по находящимся въ немъ святынямъ, такъ и по историческому значенію, по справедливости, занимаетъ первое мѣсто среди всѣхъ монастырей Новгородской губерніи.

26-го іюня, воскресенье, городъ Тихвинъ торжественно праздновалъ пятисотлѣтіе явленія чудотворной иконы Божіей Матери, именуемой Тихвинскою. Наплывъ богомольцевъ необычайный; внѣшній видъ города вполнѣ праздничный. Дома разукрашены флагами, на городской площади возвышался квадратный деревянный помостъ для молебствія, изящно декорированный краснымъ сукномъ, флагами и живою зеленью. Посрединѣ помоста устроенъ амвонъ, покрытый парчею, для помѣщенія чудотворной иконы во время молебствія. 22-го іюня, для участія въ духовномъ торжествѣ, прибылъ въ Тихвинъ преосвященный Анастасій, епископъ старо-русскій викарій новгородской епархіи. Духовное торжество началось наканунѣ въ главномъ соборѣ тихвинскаго большаго монастыря. Преосвященнымъ Анастасіемъ, въ сослуженіи архимандритовъ Юрьевскаго монастыря —Исаіи и Тихвинскаго—Никанора, торжественно отслужена все-

нощная съ елеопомазаніемъ, во время котораго раздавались богомольцамъ олеографическія изображенія чудотворной иконы съ маленькою брошюрою, напечатанною монастыремъ. Последняя, какъ спеціально отпечатанная монастыремъ въ память настоящаго торжества, съ изображеніями чудотворной иконы и главнаго собора, гдѣ она хранится, и съ краткимъ изложеніемъ исторіи явленія и чудесъ чудотворной иконы, а также съ объясненіемъ религіознаго значенія настоящаго праздника, была прочтена въ церкви самимъ преосвященнымъ Анастасіемъ. Всенощная окончилась въ 11 часовъ вечера, а елеопомазаніе продолжалось до трехъ часовъ ночи. Такъ великъ былъ наплывъ богомольцевъ!

26 іюня, въ 9 часовъ утра, торжественно, при звонѣ колоколовъ всѣхъ городскихъ церквей, тысячная толпа двинулась съ хоругвями отъ всѣхъ городскихъ церквей въ Успенскій соборъ Тихвинскаго большаго монастыря, гдѣ преосвященнымъ Анастасіемъ, въ сослуженіи архимандритовъ и іеромонаховъ, была совершена литургія, во время которой настоятелемъ городскаго собора Волотовскимъ сказано соотвѣтствующее торжеству слово. По окончаніи литургіи начался крестный ходъ кругомъ монастыря, причемъ чудотворную икону несли на особо устроенныхъ носилкахъ. Въ крестномъ ходѣ приняло участіе не только духовенство совершавшее лутургію, но и все городское бѣлое духовенство. Сильно дѣйствовало на душу то восторженное религіозное настроеніе, въ которомъ находилась толпа, сопровождавшая чудотворую икону. Настроеніе это было настолько сильно, выражалось такъ непритворно въ громкой, безъискуственной, прямо исходящей отъ сердца молитвѣ и слезахъ, что производило сильное впечатлѣніе. Крестный ходъ, пройдя кругомъ монастыря, направился на городскую площадь, гдѣ на приготовленномъ помостѣ и совершилось молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ. По окончаніи молебна богомольцамъ розданы безплатно три тысячи экземпляровъ небольшихъ книжекъ съ изображеніемъ чудотворной иконы и съ изложеніемъ сказанія о явленіи и чудесахъ Божіей Матери, именуемой Тихвинскою. Въ память настоящаго торжества, по постановленію особо учрежденной для сего городомъ коммиссіи, идетъ въ настоя-

щее время подписка для образованія капитала, который будетъ храниться въ государственномъ банкѣ и половина процентовъ съ котораго имѣетъ быть отчисляема для увеличиванія самаго капитала, а другая половина ежегодно, 26 іюня, по назначенію особой коммиссіи, въ составъ которой войдутъ представители отъ всѣхъ сословій, будетъ расходоваться съ благотворительною цѣлью. Ко дню праздника на этотъ предметъ уже собрано 1,000 рублей. Благодаря распорядительности мѣстныхъ властей, не смотря на десятитысячную толпу, принимавшую участіе въ настоящемъ праздникѣ, порядокъ былъ образцовый.

— *Празднованіе 150 лѣтія существованія Петропавловскаго собора,* какъ сообщаетъ «Новое Время», привлекло массу богомольцевъ. Литургію совершалъ настоятель собора. По окончаніи обѣдни, младшій священникъ произнесъ слово въ которомъ коснулся исторіи основанія храма и всѣхъ пережитыхъ имъ эпохъ. Проповѣдникъ остановился въ особенности на дѣятельности покойнаго Императора Александра II, который съ чрезвычайнымъ тщаніемъ заботился о благолѣпіи этой святыни. Послѣ проповѣди былъ отслуженъ благодарственный молебенъ святымъ апостоламъ.

— *Юбилей протопресвитера Бажанова.*—По словамъ «Новаго Времени», 1 августа исполнится шестьдесятъ лѣтъ служенія въ священномъ санѣ духовника Ихъ Императорскихъ Величествъ протопресвитера В. Б. Бажанова. Юбиляръ—старѣйшій изъ членовъ Святѣйшаго Синода. Назначеніе его въ составъ этого церковнаго управленія послѣдовало въ 1843 году. Со времени учрежденія Св. Синода, въ теченіе 162 лѣтъ, быть столь долго на постѣ члена Св Синода выпало только одному Филарету бывшему митрополиту Московскому. Протопресвитеръ Бажановъ уроженецъ Тульской епархіи, по окончаніи курса ученія въ Тульской семинаріи поступилъ въ С.-Петербургскую Духовную Академію, откуда вышелъ однимъ изъ первыхъ магистровъ V выпуска, бывшаго въ 1823 году, священствуетъ при четвертомъ Императорѣ и пятомъ митрополитѣ.

— *Уставъ Духовныхъ Академій.*—Предполагавшееся введеніе съ начала предстоящаго академическаго года новаго устава духовныхъ академій не состоится. Святѣйшій синодъ, разсмотрѣвъ

проектъ устава, призналъ нужнымъ, какъ сообщаютъ «Московскія Вѣдомости», сдѣлать въ немъ нѣкоторыя существенныя измѣненія, для чего, какъ слышно, коммиссія, выработавшая уставъ, будетъ созвана вновь.

— *Выпуски воспитанниковъ Духовныхъ Академій.*—Петербургская духовная академія въ нынѣшнемъ году выпустила 83 кандидата, окончившихъ полный академическій курсъ и получившихъ право на преподаваніе въ духовныхъ семинаріяхъ; изъ нихъ 72 вышли магистрантами т. е. съ правомъ не держать новаго устнаго экзамена при соисканіи степени магистра богословія.

— Въ Московской духовной академіи въ текущемъ году окончили курсъ 58 человѣкъ, изъ нихъ 54 окончили курсъ магистрантами.

— Въ Кіевской духовной академіи въ настоящемъ году оканчиваютъ курсъ 42 человѣка Изъ нихъ 39 магистрантами; одинъ изъ магистрантовъ П. В. Окновъ принимаетъ монашество: 2 человѣка—кандидатами и одинъ иностранецъ, болгарскій архимандритъ Евфимій съ званіемъ студента академіи.

— *Примиреніе старообрядцевъ съ школами.*—Столичныя газеты передаютъ, что по полученнымъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ свѣдѣніямъ, старообрядцы, упорно отказывавшіеся отъ посылки своихъ дѣтей въ общія училища и въ земскія школы, въ настоящее время начали посылать своихъ дѣтей, для усовершенствованія въ образованіи, въ народныя училища и земскія школы.

— *Новыя сельско-хозяйственныя школы.*—Какъ извѣстно, Министерство Государственныхъ Имуществъ еще два года тому назадъ проектировало открыть въ различныхъ мѣстахъ Имперіи низшія сельско-хозяйственныя школы. Разсмотрѣніе этого проекта разными вѣдомствами потребовало много времени; но теперь ожидается его осуществленіе. По слухамъ, Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ предположено вводить названныя школы постепенно: первоначально въ тѣхъ мѣстностяхъ Имперіи, гдѣ въ сельско-хозяйственномъ образованіи ощущается особенно сильная необходимость, а затѣмъ—въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ Сибири и преимущественно въ тѣхъ въ которыхъ

нѣтъ начальныхъ школъ. Лицамъ служащимъ въ сибирскихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ предполагается предоставить на общемъ основаніи права и преимущества какими пользуются служащіе въ привилегированныхъ мѣстностяхъ Россіи.

— *Обращеніе въ католичество св. Ольги ксендзомъ Добшевичемъ.*—(*) Недавно вышла въ Гнѣзнѣ книга ксендза Добшевича «Wiadomosć historyczna o biskupstwie kijowskiem Rzymsko-katolickem», которой мы еще не видали, но объ одномъ ея курьезѣ сообщимъ со словъ рецензента краковскаго «Часа» въ № 155. Быть можетъ, эта хвалебная рецензія и права относительно научныхъ достоинствъ изслѣдованія Добшевича о первыхъ католическихъ бискупахъ въ Кіевѣ, но непозволительно легковѣріе автора, который, сновываясь на искаженномъ текстѣ одного позднѣйшаго лѣтописца, сдѣлалъ католичкою—святую княгиню Ольгу! До такого quasi-историческаго пристрастія не доходилъ еще до сихъ поръ ни одинъ польско-католическій писатель, и всѣ они признавали, согласно съ нашими лѣтописями и польской хроникой *каноника* Длугоша, достовѣрнымъ фактомъ крещеніе св. Ольги въ Цареградѣ. Если объ этомъ не упоминаетъ Константинъ Багрянородный, то это Карамзинъ совершенно основательно объяснилъ тѣмъ, что сочиненіе его посвящено *единственно* описанію византійскихъ придворныхъ обрядовъ, а потому и такому факту въ немъ не было мѣста. Заблужденіе почтеннаго ксендза возникло изъ того мѣста хроники Ламберта, гдѣ говорится о послахъ Russiae gentis къ императору Оттону, который и послалъ имъ бискупа Адальберта, но послѣдній едва успѣлъ убѣжать обратно: qui etiam vix evasit manus eorum. Другой лѣтописецъ, знакомый съ современными владѣтельными особами добавилъ поясненіе: вмѣсто «legati Russiae gentis», написалъ «legati Helenae Reginae Rugorum»,—а и Еленой-то княгиня Ольга стала только со своего крещенія! Дѣло о послахъ объясняется очень просто тѣмъ, что рѣчь идетъ не о Руси, а объ островѣ Рюгенѣ, куда дѣйствительно и былъ посылаемъ епископъ Адальбертъ (Hebgardi, Gesch. des Reichs Rügen), такъ какъ Рюгенъ былъ въ то время подчиненъ императору. Насколько можно вѣрить утвержденію автора, будто уже въ X вѣкѣ были

(*) Не бывшій ли это законоучитель кіевской 2-й гимназіи?

послѣдователи католицизма въ кіевской Руси, видно изъ приводимыхъ имъ же фактовъ, что и гораздо позже здѣшними бискупами титуловались епископы либушскіе или любушскіе; если обратимъ вниманіе, что Любушъ находится въ Бранденбургѣ, на Одерѣ (между Франкфуртомъ и Кюстриномъ), то очевидно, что этотъ титулъ ихъ имѣлъ значеніе только in partibus infidelium. Данъ же онъ именно имъ потому единственно, что имъ тогда номинально подчинялись не католическія славянскія страны, лежавшія отъ нихъ на востокъ, въ томъ числѣ *Польша*, а слѣдовательно и еще далѣе лежавшая Русь.

Ainsi on écrit l'histoire! *(Изъ «Кіевлянина»)*.

— *Возстановленіе польскаго государства.*—Въ какомъ смыслѣ Поляки желаютъ и домогаются возстановленія самостоятельнаго Польскаго государства, это объясняетъ извѣстный польскій эмигрантъ графъ дингеймъ-Щавинскій-Брохоцкій въ вѣнской газетѣ Neue Freie Presse, № 6.773, отъ 25 іюня (6 іюля), въ слѣдующемъ письмѣ присланномъ имъ изъ Рима въ редакцію названной газеты: «Достохвальная редакція газеты Neue Freie Presse въ Вѣнѣ! Я читаю въ почтенной вашей газетѣ отъ 30 іюня, № 6.767, телеграмму изъ Рима отъ 29 іюня о разговорѣ происходившемъ между выдающимся италіянскимъ государственнымъ человѣкомъ и мной. Въ этой телеграммѣ сказано будто бы я, между прочимъ, высказалъ что необходимо стараться или присоединить старыя польскія провинціи къ Австро-Венгерской имперіи, или предоставить Польшѣ такое положеніе въ какомъ находится Венгрія въ отношеніи къ Австріи.

«Я вижу себя вынужденнымъ объявить *что я дѣйствительно настаивалъ на томъ чтобъ отобрать отъ имперіи Царя* (Zarenreich) *по Днѣпръ и за Двину польскія провинціи и присоединить ихъ къ Галиціи съ тѣмъ чтобъ онѣ составляли федеративное соединеніе съ Австро-Венгерскою монархіей*, но я никакъ не совѣтовалъ бы простое присоединеніе къ Австріи.

«Такое федеративное соединеніе соотвѣтствовало бы старому польскому государственному праву, добровольному соединенію Польши, Литвы и Руси (Ruthenien,- то-есть Малой Россіи) въ одно государство: Wolni z wolnemi, równi z równemi (Вольные съ вольными, равные съ равными)».

— «Polak przez żonę»—*(Полякъ чрезъ жену).*—Подъ такимъ заглавіемъ помѣщено въ одной польской газетѣ слѣдующее характеристическое извѣстіе: «Генеральнымъ директоромъ почтъ въ Соединенныхъ Штатахъ состоитъ Гресгамъ (Cresham) женатый на паннѣ Лыскавинской. Его домашнее хозяйство ведется по польски, а дѣти владѣютъ нашимъ языкомъ также хорошо какъ и англійскимъ. Изъ привязанности къ женѣ, Гресгамъ изучилъ родную ея рѣчь и на ней ведетъ переписку съ родственниками. Пробовалъ онъ также не безъ успѣха печатать корреспонденціи въ мѣстныхъ польскихъ газетахъ. Достойно примѣчанія, что первоначальнымъ пособіемъ при изученіи (польскаго) языка г. директору служила грамматика Орды, написанная по французски».

Если столь сильному вліянію польки могъ подпасть стойкій культурный Американецъ, то что сказать о нашихъ русскихъ людяхъ, женатыхъ на полькахъ? А вѣдь такихъ русскихъ людей есть не мало даже между лицами, занимающими видные, вліятельные, посты въ государственной службѣ здѣшняго края!...

— *Судьба русскихъ интересовъ въ Западномъ краѣ.*—«Русь» на основаніи свѣдѣній, получаемыхъ ею съ литовско-русской окраины говоритъ:

«Вообще, мы съ прискорбіемъ великимъ видимъ, что назначенія новыхъ католическихъ епископовъ, вмѣсто ожидавшагося отъ него умиренія, вноситъ смуту и волненіе въ умы не только католическаго, но и православнаго населенія въ Западно-Русскомъ краѣ. Знаютъ-ли это новые епископы и обращаютъ-ли на это подобающее вниманіе, буде знаютъ? Православнымъ въ западномъ краѣ весьма досаждаетъ тотъ вызывающій тонъ и видъ, который по отношенію къ нимъ приняли въ послѣднее время многіе римско-католики. Съ горькими сѣтованіями на это мы получаемъ изъ западнаго края много писемъ, которыхъ не печатаемъ изъ опасенія подлить масла въ огонь. Но вотъ два легкіе образчика изъ старыхъ... можетъ быть не помѣшаютъ.

«Чего только не дѣлаютъ,—отрывокъ письма изъ Волковыскаго уѣзда, впрочемъ изъ мѣстности, гдѣ католичество очень крѣпко и издавна отличается какою-то особенно воинственностью въ отношеніи къ православнымъ,—чего не дѣлаютъ наши

ксендзы, чрезвычайно точно исполняя «программу», которую я прочелъ въ 9 № «Руси»!... Если, напримѣръ, римско-католикъ служитъ у православнаго, то ксендзъ не принимаетъ его на исповѣдь, для исполненія этого христіанскаго долга заставляетъ его ходить въ костелъ по нѣсколько разъ, и каждый разъ не упускаетъ случая поносить предъ нимъ публично все русское и православное. У насъ въ селеніяхъ среди православныхъ много католиковъ. Они часто обращаются къ нашимъ священникамъ съ просьбами хоронить ихъ покойниковъ, не только дѣтей, но и взрослыхъ, потому что везти въ костелъ далеко. Узнавъ объ этомъ, ксендзъ грозно объявилъ, что вдовцовъ и вдовъ послѣ лицъ похороненныхъ «схизматическими попами» онъ ни подъ какимъ видомъ вѣнчать не станетъ, и т. д., и т. д. Трудно изобразить всю многообразнѣйшую агитацію ксендзовъ, особенно въ нашей мѣстности, гдѣ православные приходы состоятъ въ большинствѣ изъ «присоединившихся». Подстрекаемые агентами ксендзовъ, распускающими слухи, будто православіе «будетъ изгнано», будто костелы упраздненные и передѣланные на церкви будутъ всзстановлены и т. д., присоединившіеся опять начали колебаться, перестали ходить въ церкви и посылать своихъ дѣтей. Жалко смотрѣть на сбиваемыхъ съ толку бѣдняковъ, —такая у нихъ въ умѣ и совѣсти смута!».

Грустныя вѣсти, дѣйствительно, прискорбное и даже позорное для православія положеніе! Что же дѣлать?—«*немедленно*» отвѣчаетъ на вопросъ виленскій старожилъ—нужно намъ поднять въ Вильнѣ и въ краѣ русскую интеллигенцію, освободить русскій народъ изъ-подъ духовнаго порабощенія полонизму, возвысить его школу, располячить его религію, поднять русскую печать и оживить русское просвѣщеніе. Съ этою послѣднею цѣлію должно прежде всего измѣнить нынѣшній составъ руководителей просвѣщенія»... «Vox clamantis in deserto!» подумали мы невольно, прочитавъ эти слова».

Многія указанія въ этомъ смыслѣ оставались безъ всякаго успѣха.

«Почему?—неизвѣстно! Какъ кажется, болѣе всего потому, что петербургскіе казенные гуманисты привыкшіе жертвовать большимъ малому,—иногда безконечно—малому, какъ и въ этомъ

случаѣ,—по добротѣ своей души, не рѣшаются тронуть нѣкоторыхъ «своихъ человѣковъ» съ давно насиженныхъ ими теплыхъ мѣстечекъ... Какъ тутъ хотѣть, чтобы процвѣтали православіе и русская народность на западной окраинѣ, гдѣ каждый шагъ впередъ они должны брать съ бою, при господствѣ сего петербургскаго дряблодушія! Вѣчное колебаніе, постоянныя оттяжки—вотъ его девизъ и результатъ! Не таковы наши противники: они стоятъ твердо на своемъ и немедленно занимаютъ наше мѣсто, какъ только гдѣ мы попятились назадъ. Вотъ самый свѣжій примѣръ. Польскія заграничныя газеты сообщаютъ, будто папскій нунцій Ванутелли въ бытность въ Петербургѣ выхлопоталъ у кого слѣдуетъ переводъ римско-католической духовной академіи изъ Петербурга въ Вильну. Мы не вѣримъ этому слуху, но онъ несомнѣнно подтверждаетъ сейчасъ сказанное о политической стратегіи нашихъ враговъ. Проектъ православной духовной академіи въ Вильнѣ у насъ похоронили: одни находили ее учрежденіемъ слишкомъ одностороннимъ и рекомендовали университетъ, другіе—черезчуръ широкимъ, дорогимъ и излишнимъ, и вотъ уже поляки хлопочутъ о переводѣ туда своей духовной академіи! У насъ не понимаютъ или не хотятъ понять, что духовная академія въ Вильнѣ нужна намъ прежде всего какъ зерно русской умственной жизни въ краѣ, какъ средоточіе, гдѣ и вокругъ котораго могли бы прочно сгруппироваться русскія духовныя силы».

«Русь» останавливается на похороненномъ проектѣ православной академіи въ Вильнѣ.

«Учрежденіе академіи въ Вильнѣ составляло любимую идею Муравьева; осуществленіемъ ея онъ спѣшилъ (почему и настаивалъ на экономіи, опасаясь препятствія въ Петербургѣ съ денежной стороны), горячился, какъ будто предчувствуя своимъ чуткимъ русскимъ сердцемъ, что она умретъ вмѣстѣ съ нимъ, къ великому ущербу для русскаго дѣла на западной окраинѣ».

— *Гоненіе на церковь и духовенство во Франціи*.—Преслѣдованіе католической церкви и ея служителей открыто декретомъ объ изгнаніи духовныхъ корпорацій.

Декретъ этотъ надѣлавшій въ свое время много шума приведенъ былъ въ исполненіе самымъ рѣшительнымъ образомъ.

Это былъ первый ударъ нанесенный католическому духовенству, и тогда ему придавали большое значенie. Но вотъ уже этою зимой мы слышали, какъ главный исполнитель пресловутаго декрета, бывшiй префектъ полицiи Андрiэ, вернувшись изъ Испанiи (гдѣ онъ былъ посланникомъ), громогласно заявлялъ въ парламентѣ о безполезности, о вредѣ этой мѣры, и горячо и настойчиво доказывалъ необходимость прислушаться къ голосу народа, который будто бы не сочувствуетъ этому гоненiю на церковь и духовенство. Но декретъ былъ только первою лихою атакой республиканцевъ на церковь. Вскорѣ, подъ командой ученаго атеиста Бера, они дали ей генеральное сраженie: законъ 28 марта 1882 г. послужилъ началомъ цѣлаго ряда мѣръ, которыя въ клерикальныхъ органахъ названы «объявленiемъ войны Богу». Началось со введенiя обязательнаго обученiя, причемъ также обязательно было не преподавать въ этихъ школахъ Закона Божiя. Родителямъ предписывалось подъ угрозой наказанiя посылать дѣтей въ школы, а школьнымъ коммиссiямъ предписано—воспретить преподаванiе Закона Божiя въ этихъ школахъ. «Желающiе учиться катехизису, разсуждали республиканскiе мудрецы, могутъ учиться ему и дома, но въ школахъ нельзя допустить преподаванiя катехизиса, такъ какъ это могло бы оскорблять совѣсть дѣтей которыя не исповѣдуютъ религiи». Изъ этого же опасенiя «оскорбить совѣсть» пятилѣтнихъ атеистовъ приказано было изо всѣхъ школъ вынести Распятiя и иконы, а для большаго успѣха въ изготовленiи вполнѣ республиканскихъ гражданъ велѣно было обучить дѣтей по «руководствамъ гражданской нравственности», услужливо изготовленнымъ ad hoc гг. Берами, Компери, Стижъ и К° и рекомендованнымъ для руководства тѣмъ самымъ министромъ народнаго просвѣщенiя, который впослѣдствiи былъ такъ удивленъ, когда воспитанники лицея Людовика Великаго встрѣтили его снѣжными комьями при посѣщенiи имъ лицея.

Когда послѣ этой мѣры раздались протестующiе голоса, то правительство третьей республики устами одного изъ своихъ чиновниковъ съ поразительнымъ остроумiемъ оправдалось во взводимыхъ на него обвиненiяхъ въ навязыванiи народу обязательнаго атеизма. Этотъ чиновникъ, присутствуя на торже-

ственномъ открытіи одной школы, между прочимъ сказалъ: «говорятъ, что мы изгоняемъ Бога изъ школы, это неправда: такъ какъ Бога нѣтъ, то и изгнать Его немыслимо!»

Не смотря однако на это остроумное объясненіе, родители дѣтей не успокоились и принялись бороться какъ могли: одни отказались посылать дѣтей въ школы, другіе подавали жалобы въ школьныя коммиссіи, заявляя, что не имѣютъ ни средствъ ни возможности доставить дѣтямъ преподаваніе катехизиса на дому. Это сопротивленіе ни къ чему не повело: ослушниковъ наказывали денежными штрафами и подтверждали прежнія наказанія.

Боязнь оскорбить совѣсть атеистовъ и «свободномыслящихъ» заставила республиканское правительство прибѣгнуть къ цѣлому ряду новыхъ мѣръ. Такъ приказано было снять кресты съ воротъ кладбищъ, дабы не оскорблять тѣхъ вольнодумовъ, которые похоронены на этомъ кладбищѣ «мірскимъ» способомъ. Точно также велѣно было вынести кресты и иконы изъ казармъ, судовъ и другихъ казенныхъ учрежденій. Мѣстами найдено было полезнымъ уничтожить кресты, стоявшіе на перепутьяхъ дорогъ. Въ послѣдней мѣрѣ правительство третьей республики нашло весьма дѣятельныхъ пособниковъ въ анархистахъ, которые взорвали церковь въ Монсо-ле-Минъ и отъ времени до времени въ разныхъ пунктахъ ломали кресты на дорогахъ и кладбищахъ и бросали въ канавы изображенія Богоматери. Былъ случай, что населеніе заступилось за дорогіе ему кресты и—фактъ отмѣченный своевременно всѣми газетами Франціи— съ кольями въ рукахъ окружили крестъ, который исполнители республиканскаго закона хотѣли снести. Но прискакали жандармы и—да здравствуетъ свобода!—пошли въ атаку на защитниковъ креста; произошла свалка, и сила оказалась конечно за конными республиканцами.

Въ тоже время, побуждаемые боязнью оскорбить совѣсть атеистовъ и вольнодумовъ, республиканскіе мудрецы провели въ палатѣ и въ сенатѣ законъ, изгоняющій изъ формулы судебной присяги слова «во имя Бога», дабы «не подорвать довѣрія къ присягѣ, которая не можетъ искренно приноситься во имя Бога лицомъ въ Него не вѣрующимъ».

Наконецъ, въ текущемъ іюнѣ сдѣлано распоряженіе объ упраздненіи священниковъ состоящихъ при госпиталяхъ и богадѣльняхъ, каковая мѣра должна быть приведена въ исполненіе 1 іюля этого года. Кромѣ того, депутатъ Стижъ изготовилъ законопроектъ, которымъ войска должны быть «устранены отъ участія въ духовныхъ церемоніяхъ», такъ какъ это участіе представляетъ «вовсе нежелательное замѣшиваніе арміи въ церковныя дѣла». Г. Стижъ отказался вскорѣ отъ своего намѣренія, потому что узналъ, что военный министръ самъ внесетъ вскорѣ подобный законопроектъ.

По прошествіи нѣкотораго времени, съ момента введенія «обязательнаго и притомъ атеистическаго преподаванія» въ школахъ, католическая духовная конгрегація Index состоящая при Ватиканѣ занялась разсмотрѣніемъ «руководствъ гражданской нравственности» и осудила ихъ. Это осужденіе ватиканской коммиссіи послужило сигналомъ новой битвы между католическимъ духовенствомъ и исполнительною властью. Священники стали убѣждать родителей не пускать дѣтей въ атеистическія школы и не давать имъ учиться по атеистическимъ «руководствамъ». Когда эти убѣжденія не помогли, священники стали грозить, что тѣмъ дѣтямъ, у которыхъ они найдутъ «руководства гражданской нравственности», будетъ отказано въ приготовленіи къ причастію. Нѣкоторые священники прямо заявили, что не будутъ давать причастія ни дѣтямъ, ни родителямъ, которые ослушаются запрещенія конгрегаціи Index. Власти съ своей стороны принялись карать священниковъ, лишая ихъ содержанія. Это «обезжалованіе» производилось и производится цѣлыми массами: одновременно по десяти, по пятнадцати священниковъ лишаются содержанія, и вѣсти объ этомъ приходятъ съ парижскими газетами чуть не ежегодно. Но вотъ въ борьбѣ приняли участіе болѣе крупные представители католической церкви: восемь архіепископовъ въ окружныхъ посланіяхъ по епархіи протестовали противъ пользованія «руководствами» запрещенными конгрегаціей Index; нѣкоторые съ церковной каѳедры громили дѣйствія властей, основанныя на законѣ 28 марта.

Тогда правительство республики привлекло къ суду архіепископовъ и признало ихъ дѣйствія «злоупотребленіемъ вла-

стью». Это рѣшеніе было выражено въ декретѣ президента Греви, а декретъ напечатанный отдѣльными объявленіями было приказано наклеить на домахъ и заборахъ по городамъ и селамъ епархій провинившихся архіепископовъ. Въ отвѣтъ на это архіепископы, въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, остановили богослуженіе, а народъ въ нѣкоторыхъ городкахъ и селахъ воспротивился наклейкѣ декрета объ архіепископахъ.

Между тѣмъ во время всей этой борьбы мирное, работающее населеніе Франціи стояло межъ двухъ огней: съ одной стороны штрафъ отъ правительства, съ другой стороны угроза лишенія причастія, и при этомъ полное недоумѣніе, къ чему все это затѣяно. (*«Моск. Вѣдом.»*).

— *Оцѣнка дѣятельности въ западной Россіи графа М. Н. Муравьева.*—По поводу напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ» записокъ графа М. Н. Муравьева возникла и разгоряется полемика между хулителями и почитателями этого дѣятеля. Считаемъ себя обязанными указать тѣ главные пункты, съ которыхъ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ оцѣнивать дѣятельность графа М. Н. Муравьева въ сѣверо-западномъ краѣ, въ послѣднюю польскую смуту,—дѣятельность, вызывающую въ однихъ ожесточенную ненависть къ этому замѣчательному государственному человѣку прошедшаго царствованія и осужденіе всего имъ сдѣланнаго, въ другихъ—восторженныя похвалы и сочувствіе.

Для читателей «Церковнаго Вѣстника» дѣятельность графа Муравьева можетъ имѣть тотъ интересъ, что главнѣйшія стороны ея близко касаются церковныхъ дѣлъ въ западной Россіи.

Безцеремонныхъ цѣнителей дѣлъ графа Муравьева приглашаемъ прежде всего заглянуть въ обстоятельную, документальную книгу покойнаго Д. А. Кропотова—«Жизнь графа М. Н. Муравьева въ связи съ событіями его времени», С.-Петербургъ, 1874 г. (*). Тамъ они увидятъ, какимъ выдающимся образованіемъ обладалъ графъ М. Н. Муравьевъ, какое вліятельное положеніе занималъ даже между либералами временъ Александра I-го (членами такъ называемаго союза благоденствія), выдѣлившими потомъ изъ своей среды извѣстныхъ декабристовъ, но

(*) Къ сожалѣнію, разсказъ въ этой книгѣ доведенъ только до назначенія Муравьева губернаторомъ въ гродну, т. е. до 1832 г.

что гораздо важнѣе, какою большою способностію обладалъ онъ, при всѣхъ своихъ научныхъ занятіяхъ и тогдашней западнической горячкѣ, додумытаться до русскаго пониманія вещей и при этомъ даже становился выше своихъ собственныхъ увлеченій и заблужденій.

Это онъ доказалъ своими усиліями направить на служеніе Россіи вышеупомянутыхъ членовъ союза благоденствія и рѣшимостію бросить ихъ, когда увидѣлъ тщету своихъ усилій (*), и еще яснѣе доказалъ это самоотверженною рѣшимостію подавить польскую смуту въ сѣверо-западномъ краѣ и возстановить тамъ достоинство Россіи.

Призываемъ безцеремонныхъ хулителей Муравьева вдуматься въ такія, стоющія глубокаго изученія, вещи. Противникъ многихъ особенностей, легшихъ въ основу освобожденія русскаго крестьянина, какъ онъ самъ объ этомъ говоритъ въ своихъ запискахъ, не вѣрующій будто бы человѣкъ, какъ его теперь оглашаютъ люди, едва ли когда либо думавшіе объ интересахъ вѣры, графъ Муравьевъ нашелъ въ себѣ силу ума и силу характера понять въ оборванномъ, забитомъ бѣлорусскомъ мужикѣ и въ приниженномъ тамъ православіи, исповѣдуемомъ не рѣдко чуть не въ лачугахъ, подъ соломенными крышами и съ покачнувшимися на бокъ стѣнами, исконную силу и величіе Россіи въ этомъ самомъ западномъ краѣ, который тогда заслонили передъ Россіей не только мятежныя шайки поляковъ и злорадостные клики западныхъ нашихъ враговъ, но и невѣроятные порывы либорализма нашихъ русскихъ западниковъ, съ легкимъ сердцемъ уступавшихъ было уже полякамъ не только дѣйствительную Польшу, но и родную русскую землю по Смоленскъ и даже колыбель русской цивилизаціи—Кіевъ.

Чѣмъ объяснить эту невѣроятную, повидимому, рѣшимость Муравьева среди этого предательскаго шума и гама идти смѣло, прямо на помощь русскому священнику, русскому мужику въ западной Россіи и въ единеніи съ ними поднимать тамъ и крѣпко ставить поруганное русское знамя? Мы раскроемъ хулителямъ Муравьева эту тайну, извѣстную, впрочемъ, всѣмъ

(*) Желающіе могутъ найти подробности этого дѣла въ упомянутой книгѣ Кропотова.

близко знавшимъ Муравьева и понимающимъ по-русски западную Россію.

Этотъ самый М. Н. Муравьевъ, этотъ, по отзывамъ модныхъ цѣнителей его, дикій по виду и дѣламъ человѣкъ, этотъ страшный тиранъ признавалъ себя по дѣламъ западной Россіи ученикомъ скромнѣйшаго въ Россіи человѣка, товарища митрополита Платона по ученію въ московской академіи, почитателя Карамзина и многихъ другихъ ученыхъ, извѣстнаго труженика въ московскомъ главномъ архивѣ—Н. Бантыша-Каменскаго, написавшаго, между прочимъ, тоже весьма скромную, но неоцѣненную до сихъ поръ книгу—«Историческое извѣстіе о возникшей въ Польшѣ уніи». Муравьевъ изучалъ эту книгу еще при первомъ своемъ назначеніи въ западную Россію въ 1827 г. (витебскимъ вице-губернаторомъ), возилъ ее съ собою и читалъ при всѣхъ послѣдующихъ перемѣщеніяхъ въ той странѣ, цѣнилъ ее до послѣдняго времени и назначилъ деньги на второе изданіе ея, которое и вышло въ 1866 году. Въ этой-то скромной, но богатѣйшей фактами книгѣ, Муравьевъ пріобрѣлъ историческое разумѣніе западной Россіи, узналъ дѣла и стремленія лучшихъ людей этой страны на пространствѣ вѣковъ и этому разумѣнію покорилъ всѣ свои лучшія силы и даже старыя и новыя увлеченія и заблужденія.

Вотъ, гдѣ исходное начало тѣхъ воззрѣній, которыя потомъ развивалъ въ себѣ Муравьевъ, изучая западную Россію практически, на мѣстѣ еще до востанія 1831 г., во время этого востанія и въ первые годы послѣ этого востанія до 1836 года, когда онъ былъ гродненскимъ губернаторомъ и близко познакомился съ другимъ живымъ хранителемъ западно-русскихъ началъ жизни и преданій Іосифомъ Сѣмашкой.

Такимъ образомъ, М. Н. Муравьевъ выработалъ въ себѣ воззрѣнія на дѣла западной Россіи путемъ глубокаго изученія ея прошедшаго и современнаго состоянія и дѣйствовалъ на основаніи этого изученія, а не по какимъ либо прихотливымъ теоріямъ или деспотическимъ наклонностямъ.

Кто изъ русскихъ людей, не потерявшихъ русскаго сознанія, позволитъ себѣ послѣ этого кидать безцеремонно укоры и обвиненія графу М. Н. Муравьеву?!

Но неужели все хвалить, что дѣлалъ въ сѣверо-западномъ краѣ Муравьевъ? Нѣтъ не все! Въ дѣлахъ Муравьева по управленію сѣверо-западнымъ краемъ нужно различать двѣ стороны —отрицательную по усмиренію мятежа и положительную—русское строеніе на западно-русской землѣ.

Система усмиренія мятежа выработана Муравьевымъ вполнѣ самостоятельно и, конечно, была дѣломъ суровымъ, тяжелымъ и не избѣгла крайностей. Но гдѣ же подобное дѣло бывало мягкимъ, пріятнымъ, не переходило мѣры, и не польской средѣ возставать за все это на Муравьева! Общество, выдѣлившее изъ своей среды властную организацію жандармовъ вѣшателей и ксендзовъ, благословлявшихъ отравленные ихъ кинжалы, не имѣетъ права жаловаться на крутыя мѣры человѣка, усмирявшаго мятежъ при такихъ обстоятельствахъ. Съ грустію, конечно, узнавали и русскіе люди о приговоренныхъ Муравьевымъ къ смерти и лишенныхъ жизни и мятежникахъ, но съ этою грустію соединялась и другая грусть. Передъ ними, когда они это узнавали, какъ и передъ Муравьевымъ, когда онъ подписывалъ смертные приговоры, рисовались страдальческіе образы замученныхъ польскими мятежниками русскихъ священниковъ, русскихъ офицеровъ, русскихъ чиновниковъ, русскихъ солдатъ и крестьянъ (*). Кромѣ того русскимъ людямъ было ясно, что даже въ суровыхъ мѣрахъ Муравьева по усмиренію мятежа и возстановленія спокойствія въ странѣ сказывался талантъ военный, талантъ административный, а развѣ можно думать, что теперь пониманіе этихъ талантовъ такъ упало въ нашемъ обществѣ, что мы станемъ легко и скоро закидывать грязью такого талантливаго человѣка?! Кто изъ русскихъ военныхъ людей, русскихъ администраторовъ не задумается серьезно, даже просто надъ механизмомъ Муравьева по усмиренію мятежа и возстановленію спокойствія?

(*) На мѣстѣ кончины одного изъ замученныхъ поляками священниковъ, именно священника Романа Рапацкаго, у села Котры (гродненской губ., пружанскаго уѣзда) прихожане сооружаютъ часовню и стараются окончить ее къ двадцатилѣтію мученичества ихъ пастыря (3-го іюля настоящаго года). Эти прихожане черезъ «Литовскія епархіальныя извѣстія» обращаются къ русскимъ людямъ съ просьбой о пожертвованіяхъ, которыя просятъ направлять въ г. Пружаны (гродн. губ.) въ котранское церковно-приходское попечительство.

Но тѣмъ болѣе задумаются они и всѣ дѣйствительно русскіе люди, когда при этомъ станутъ изучать положительную сторону дѣятельности Муравьева—русское строеніе въ западной Россіи. Эта сторона дѣла была для поляковъ страшнѣе и тяжелѣе всѣхъ суровостей и даже казней Муравьева. Муравьевъ расшаталъ историческое польское строеніе въ западной Россіи до самыхъ глубокихъ его основаній и возсоздавалъ тамъ старое, вѣковѣчное русское зданіе. Онъ снималъ смѣло, прямо вѣковой слой польскій и очищалъ отъ него русскую основу жизни. Ксендзъ, панъ трепетали, входя къ Муравьеву; но русскій священникъ, русскій мужикъ шли къ Муревьеву бодро, радостно, какъ къ своему родному. Вотъ гдѣ величайшая обида исторической Польшѣ и великая честь русской землѣ, увѣковѣченная новыми построенными Муравьевымъ и воздвигнутыми имъ изъ опозоренныхъ поляками развалинъ православными храмами и благословеніями бѣлорусскаго и литовскаго крестьянина, до сихъ поръ помнящаго о Муравьевѣ и даже теперь напоминающаго иногда о немъ полякамъ, когда тѣ слишкомъ уже смѣло заговариваютъ о будущей смутѣ.

Понятно, что поляки никогда не могутъ простить Муравьеву этого нравственнаго усмиренія ихъ мятежа и всегда будутъ клеймить позоромъ самое направленіе этого рода, будто бы исключительно муравьевское. Но съ какой стати русскимъ людямъ присоединяться къ польскимъ ввзглядамъ и срамить то, чѣмъ мы русскіе всегда должны дорожить?

Считаю нужнымъ разъяснить еще одно недоразумѣніе, которое поляки намѣренно игнорируютъ, но русскимъ людямъ никакъ не слѣдуетъ этого дѣлать. Въ запискахъ Муравьева есть одна слабая сторона. М. Н. Муравьевъ въ этихъ запискахъ приписываетъ себѣ многое, въ чемъ онъ былъ только выразителемъ мыслей и желаній лучшей части тогдашняго русскаго общества, которая и сдѣлала его необходимымъ. Даже по газетамъ за 1861, 1862 и начало 1863 г. можно прослѣдить, что всѣ главнѣйшія мѣры Муравьева по русскому строенію въ западной Россіи были высказаны до назначенія его въ Вильну.

Приглашаемъ желающихъ изучить за это время газеты: «День», «Русскій Инвалидъ», «Московскія Вѣдомости», журналъ

«Вѣстникъ юго-западной Россіи». Приглашаемъ, вспомнить, что тогда было время дѣятельности такихъ лицъ, какъ графъ Блудовъ, А. и Н. Милютины, князь Черкасскій. Приглашаемъ вспомнить, что въ это время снаряжалась этнографическая экспедиція въ западную Россію, происходили въ Петербургѣ публичныя чтенія о западной Россіи. Даже такая техническая вещь, какъ знаменитые въ свое время и больше всего ненавистные полякамъ народные караулы, обдуманы и оглашены въ Петербургѣ, въ чистообщественной средѣ. Графъ Муравьевъ въ своихъ запискахъ умалчиваетъ объ этихъ русскихъ общественныхъ явленіяхъ.

Этотъ недостатокъ въ запискахъ Муравьева объясняется обычною слабостію составителей автобіографіи и тѣмъ простительнѣе Муравьеву, что онъ самъ многое зналъ и много дѣлалъ, но кромѣ того это объясняется еще тѣмъ, что Муравьевъ вынужденъ былъ и въ запискахъ вездѣ защищать себя, имѣлъ постоянно въ виду многочисленныхъ враговъ своихъ, мѣшавшихъ ему на каждомъ шагу и потому вѣроятно упустилъ изъ виду дѣла той части русскаго общества, когда писалъ записки, которая подготовила ему русское строеніе западной Россіи. Онъ зналъ эту часть общества съ перваго своего появленія на западно-русской землѣ. Она вдругъ стала около него, какъ давняго, стараго своего знакомаго, и стояла около него во все время его дѣятельности въ этой странѣ. Когда современемъ уяснится дѣйствительное происхожденіе и дѣйствительный смыслъ словъ къ Муравьеву, при его назначеніи, имъ самимъ приводимымъ,—словъ любвеобильнѣйшей покойной Государыни Александры Θеодоровны: «если бы мы могли удержать за собою хотя Литву», т. е. западную Россію,—тогда станетъ еще яснѣе вліяніе этой части нашего общества.

Такимъ образомъ, осуждая Муравьева, нужно считаться и съ этою частью нашего общества. Поляки прекрасно это понимаютъ, но дѣлаютъ такой маневръ, будто только Муравьевъ научилъ другихъ русскихъ людей понимать западную Россію, какъ онъ понималъ, и обзываютъ такихъ русскихъ муравьевцами. Со стороны поляковъ такой маневръ понятенъ, но русскимъ цѣнителямъ Муравьева слѣдовало бы знать свое обще-

ство не по польскимъ указаніямъ, а зная это, никто изъ русскихъ не позволилъ бы себѣ легкомысленно относиться къ Муравьеву. Отдѣлить его отъ русскаго общества, дѣйствительно русскаго, нельзя. Въ томъ-то и сила Муравьева, что онъ и выдвинутъ русскимъ обществомъ, и работалъ въ западной Россіи въ единеніи съ нимъ.

Стыдно за русскую печать, дающую мѣсто недостойнымъ нападкамъ на такого человѣка? Прискорбно за русское юношество, питающееся такою умственною пищею! Особенно прискорбно за юношество западно-русское, выросшее уже въ то время, когда въ западной Россіи пошли совсѣмъ иные порядки. То, чѣмъ жила западная Русь во времена польской смуты, составляетъ лучшее ея историческое достояніе, и вотъ это-то достояніе теперь такъ безпощадно вырывается изъ рукъ будущихъ силъ этой страны, позорится самими же русскими. Вождямъ польской и жидовской справы это на руку. Разслабить и подавить наростающія русскія силы въ западной Россіи имъ очень важно и очень желательно; но неужели такъ могутъ смотрѣть на дѣла и русскіе люди? (Церк. Вѣст.).

Профессоръ *М. Кояловичъ.*

СОДЕРЖАНІЕ. Православіе и Унія въ лицахъ. Петръ Ивановичъ Знаменскій (некрологъ). Лѣтопись текущихъ событій.

№ 20 Вол. Еп. Вѣд. сданъ на почту 13-го Іюля 1883 г.

Редакторъ *П. Бѣляевъ.*

Дозволено цензурою. Кременецъ. 12 Іюля 1883 года.

Печатается въ Типографіи Почаевской Лавры.